

**История проблемы идентификации
малочисленного народа Сахалина уйльта к началу III тысячелетия**

Уйльта – коренной малочисленный народ Сахалина (более известный в советской научной литературе как «ороки»), насчитывающий не многим более 300 человек, традиционно ведущий полукочевой (полуоседлый) образ жизни, занимающийся оленеводством, сезонным рыболовством и охотой, неоправданно, но *de facto* совершенно очевидно постоянно испытывает на своей судьбе влияние этнонимии как сильного воздействия этнической среды. *

Исследователи прошедших эпох неоднократно делали попытки найти ответ на вопрос о расселении и численности уйльта – и до сих пор единого мнения нет. Для того, чтобы понять современную ситуацию, обратимся к истории вопроса¹. Сведения о численности и местах обитания уйльта впервые были собраны Н.К. Бошняком, который в 1852 г. исследовал р.Тынь от устья Пудими до впадения Тыни в Ныйский залив Охотского моря и провел перепись жившего по его берегам населения. Н.К. Бошняк посетил восемь нивхских, уйльтских, а также смешанных нивхско-уйльтских селений. Всего по берегам Тыни он зафиксировал 3270 чел.², в т.ч. уйльта. В середине XIX в. уйльта жили и на западном берегу Сахалина (об этом свидетельствует Д.И. Орлов³). Н.В. Рудановский впервые обследовал южную половину Сахалина, небольшие группы уйльта он встречал во многих местах этой части острова⁴. Согласно преданиям⁵, уйльта (в числе прочего тунгусоязычного населения), пришедшие на Сахалин в начале XVII в., расселились к середине XIX в. на всей средней и южной части острова, в местах поселения нивхов и айнов, а также севернее нивхов на восточном берегу, как это отмечается последующими исследователями. Эту точку зрения поддерживают японские, российские и польские ученые.

По подсчетам исследователей второй половины XIX в. численность уйльта – совершенно различная. Так, М.С. Мицуль, работавший на Сахалине в начале 70-х годов XIX в., насчитал около 350 чел., обитавших в Плайской (Поронайской) низменности.⁶ По данным П.Ю. Шмидта, работавшего на Сахалине в 1889 г., уйльта насчитывалось всего несколько сот, обитавших по рекам Тынь и Поронай. А.П. Лаббэ, побывавший на Сахалине в 1899 г., сообщает о 773 ороках⁷. Перепись 1897 г. зарегистрировала на

*В различных публикациях, начиная с 1991 г., автор данной статьи неоднократно обращается к теме, связанной с наименованием данной этнической общности. Но сохраняющаяся и ныне актуальность темы и

Сахалине 749 ороchon[†] в Тымовском и Корсаковском округах. Б. Пилсудский приводит такие данные о численности южной группы ороков по данным переписи, которая «была произведена священником Рыковской церкви о. А. Винокуровым зимою 1901 г.» (отец А. Винокуров не один год ездил к орокам, исполняя миссионерские обязанности): «На 126 мужчин было 120 женщин. Я причислил к орокам двух мужчин Ольчей, которые уже более 10 лет осели на Сахалине, и один из них женат на Орочке (дочери Ольча и Орочки), другой является близким родственником ее по отцу». Пилсудский отмечает, что его собственные записи подтверждают дынные священника Винокурова. В северном районе, как описывает Пилсудский, по переписи, производившейся в 1904 г. вполне добросовестным специально посланным чиновником Канцелярии Военного Губернатора В.И. Иванова, «оказалось 160 мужчин и 118 женщин».⁸ Как видно из приведенных чисел, Пилсудский рассматривает 246 ороков южной группы и 278 - северной группы. «При произведенной в 1912-1913 гг. регистрации сахалинских инородцев ороков было обнаружено 74 д.м.п. и 55 д.ж.п. при 20 хозяйствах... Уменьшение численности ороков на 316 д.об. пола (*по сравнению с переписью 1897 г. – Л.М.*) обязано главным образом бывшей в 1908 и 1909 гг. эпидемии черной оспы, о которой, по официальным сведениям умерло 140 д. об. п., и перекочевков в Японскую часть о. Сахалина.»⁹

В 1905 г. южная часть Сахалина отошла к Японии, а с 1920 по 1925 г. и северная часть острова находилась под японским управлением. Перепись 1926-1927 гг. проходила, естественно, только на территории советского, т.е. северного Сахалина. Численность уйльта, по этой переписи составила 162 чел.¹⁰ Таким образом, по подсчетам исследователей второй половины XIX в. и различных переписей конца XVIII в. - начала XIX в. численность уйльта - от 773 до 350 чел. - к середине XX в. Такое уменьшение численности (больше, чем в два раза!), зафиксированное в различных документах скорее всего, как можно увидеть из изложенного выше, объясняется в основном следующими факторами. В период, когда южный Сахалин вновь вошел в состав СССР, немалая часть уйльта уезжала в Японию вместе с японцами. К этому времени существовало уже довольно большое количество японско-уйльтских семей, которые покидали Сахалин. В памяти уйльта есть воспоминание о нескольких трагедиях, когда тонули корабли с большим количеством переселенцев с Сахалина – японцев и уйльта – поэтому многие уйльта не добрались до Японии. Новая волна трагедий началась для уйльта после ухода японцев с Сахалина (как известно, это время приходится на страшный период истории

острота восприятия этого вопроса как представителями изучаемого народа, так и представителями иноэтничной среды, требуют вновь обращения к истории данной проблемы.

нашего государства, когда правил Сталин: - до 1953 г.) большое число уйльта, нивхов, а также эвенков (как и русских) обвинялись в сотрудничестве с японцами и были репрессированы. Почти никто из них не выжил. Сейчас на острове Южном (Сачи) в Поронайске при содействии Японии установлен памятник представителям коренных народов Сахалина - жертвам репрессий. Кроме того, сведения в переписях могли быть ошибочными из-за вечной путаницы в названии народа: уйльта в переписных листах значатся "орочонами", а точно также называли в разные времена и представителей других тунгусоязычных этнических общностей. Для столь малочисленного народа этих причин оказалось достаточно, чтобы резко изменять его общую численность.

В переписи 1959 г. ороки (т.е. уйльта) также ошибочно были причислены к «орочам». Однако, по данным А.В. Смоляк, проводившей в 1963 г. полевые исследования, на южном Сахалине ороков насчитывалось 160-170 чел.¹¹ В переписи 1979 г.¹² ороки вновь были названы орочами, перепись зарегистрировала их в Ногликском (132 чел.) и в Поронайском (144 чел.) районах Сахалина, т.е. в местах расселения именно уйльта. Всего их насчитывалось 317 чел. Перепись 1989 г. также не избежала ошибок предыдущих переписей. Близость наименований "ороки" и "орочи" (в особенности в обозначении женщин этих национальностей - "орочка") привела к тому, что на Сахалине были зарегистрированы 129 ороков и 212 орочей¹³. По данным Валовского сельсовета, использованным в переписи, в пос. Вал жили 6 ороков и 136 орочей, тогда как в действительности там не было ни одного ороча. Таким образом, 341 чел., отмеченные в переписи как ороки и орочи, на самом деле — представители одного народа. Экспедиционные исследования (*А.И. Кузнецова и автора данной статьи*) 1990-1991 гг. в Ногликском и Поронайском районах Сахалина показали, что в первом насчитывалось 164 уйльта, а во втором — 156 (всего 320 чел., из них 190 взрослых)¹⁴. Численность уйльта, по данным экспедиции (*Л.М.*) 2001 г., оставалась примерно той же. Однако, если посмотреть опубликованные данные Сахалинского областного комитета государственной статистики Госкомстата РФ за 1995 - 2000 гг., в графе «коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности» (а северная группа уйльта в основном только и живет в сельской местности!) уйльта (ороки) на начало 1996 г. насчитывали 10 чел., в 1997 г. — 8, в 1998 г. и в 1999 г. — 5, в 2000 г. — 4, а в 2001 г. их не стало вообще. Вместе с тем отмечены не жившие никогда на Сахалине орочи: их на 1 января 2001 г. как будто бы насчитывалось 127 чел., в основном в Ногликском р-не, где и живет северная группа уйльта. При этом в статистических документах никакого «естественного движения» уйльта

[†] Здесь и далее используется такое наименование изучаемого народа, которое употреблял тот или иной автор, либо фиксировал определенный документ (к примеру, официальной статистики). Автор данной

(ороков) не значится; среди умерших числится 1 чел. А численность учащихся ульта (ороков) в дневных общеобразовательных школах (при отсутствии населения ульта!) на начало 2000/2001 учебного года составляет 84 чел.¹⁵. Виной всему многолетняя неразбериха с этнонимами этого народа.

В 1906 г. С. Патканов писал, что ороки - ближайшие родственники тунгусского племени ольчей или мангунов, обитающего в низовьях Амура, встречаются только в средней и восточной частях острова Сахалин. Здесь в разное время года их можно встретить во всем бассейне р. Поронай, в северной части побережья залива Терпенья и на значительной части восточного побережья Сахалина. Ороки не имеют определенного местопребывания круглый год, так как будучи оленными кочевниками постоянно меняют место своего жительства, делая лишь временные остановки «ради пастьбы оленей, ради охоты и рыбного промысла». В целом на острове Сахалин орокское население группировалось, по данным переписи 1897 г., таким образом:

Названия округов	Наличное население в 1897 г.			Число душ в хозяйстве	% женщин. на 100 м.
	м. п..	ж. п.	об. п.		
1. Корсаковский	159	145	304	6,3	91
2. Тымовский	236	209	445	7,1	89
Итого	395	354	749	6,7	90

749 ороков составляют по данным Патканова 2,7% всего населения острова и 84% представителей тунгусского племени. На среднюю стоянку ороков приходится 34,6 душ обоого пола (включая живущих в них посторонних), а на среднее хозяйство—6,7 душ.¹⁶

Как видно из приведенного материала, С. Патканов называет народ ороками, в то время как в переписи, на которую ссылается почитаемый автор, в числе «инородцев острова Сахалина съ подразделениемъ их по племенамъ» числятся гиляки, ороконы, айны и тунгусы, а также якуты, перекочевавшие на остров, как и тунгусы, в более позднее время («сравнительно недавно») – «в половине шестидесятых годов настоящего столетия», т.е. XIX ст.. В работах того времени отмечается, что в отличие от двух последних названных «племен» «остальные инородцы острова никаких общегосударственных и общественных повинностей не несут (тунгусы и якуты «считают себя принадлежащими к Удской округе, куда (г. Николаевск) и вносят ежегодно свой ясак (подать) пушшиной»).17 В «Сахалинских календарях» на 1898 и 1899 годы приводятся

статьи использует определение «уйльта».

одинаковая численность «орочон», зафиксированных в Тымовском округе – 231 мужчина и 206 женщин, и в Корсаковском округе 276 мужчин и 157 женщин. Таким образом, всего 410 мужчин и 363 женщины, т.е. 774 орочона – никаких ороков не значится.¹⁸

В 1912 г. С. Патканов писал: «Племя ороков, родственное ольчам и скитающееся на средней части острова, в переписном материале ошибочно названо “орочонами”»¹⁹ - так что не только в последние два десятилетия, но и сто лет назад приходилось постоянно доказывать некорректность использования названия народа в документах официальной статистики.

Действительно, «орончон, орочон или орочен» представляет из себя испорченное маньчжурское слово «орунчун». означающее «оленный народ» (по тунг.: «орон» - ручной олень) и применявшееся маньчжурами для обозначения разных тунгусоязычных племен, державших оленей, как-то: бродячих тунгусов, ороков и даже манегров и др. При первом знакомстве русских с тунгусоязычными общностями, ездившими и возившими груз на оленях, они называли их «оленными тунгусами», на часть которых они впоследствии, с конца XVIII ст., перенесли маньчжурское имя «орунчун». Эта неопределенность названия «орочон» отразилась и на переписном материале; Кроме того, у некоторых орочонов этих местностей показан родной язык: «тунгусский», а у отдельных тунгусов - «орочонский». (Аналогичная путаница в фиксации родного языка этого народа происходила и в советских переписях!) Следует вспомнить, что местное население Приморской области и смежных частей Амурской, а также острова Сахалина дает имя «орочоны» и другим тунгусоязычным племенам Восточные орочоны, живущие в бассейне р. Тунгуски, являются орочами, главная область которых лежит далее к востоку; западные - настоящими «орочонами».²⁰ Если же обратиться к Толковому словарю живого великорусского языка Владимира Даля, то можно увидеть, что название «орочоны» в начале XX в. воспринималось обществом (или научными кругами) как восточно-сибирское понятие, обозначающее «кочевое монгольское племя, обитающее в лесах Даурии (Шейн)».²¹ Интересно заметить, что понятия «орочи», «ороки» и «тунгусы» в словаре Даля отсутствуют.

В литературе приводились самые разнообразные этнонимы, обозначающие уйльта. Так, по свидетельству Л.Я. Штернберга, сахалинские нивхи называли ороков *орныр* (оленоводы), так же, как амурские нивхи называли ульчей. А ороков и орочей амурские нивхи именовали *тозунг*. Таким образом, нивхи как бы объединяли ороков, орочей и ульчей²². Сами же ороки, как это отмечают исследователи разных эпох, называли себя *уйлта* или *ульта* (*уйльта*). А. Маевич приводит такое объяснение наименования ульта: «...: люди, живущие с “улаа”, люди, которые разводят “улаа”. ”Улаа” по-орокски —

одомашненный олень, — "та" — люди, жители. Этноним "орок", как раньше полагали, происходит от маньчжуро-тунгусского слова "орон", означавшего "оленовод". Но более вероятной является его этимологическая связь с айнским названием ороков — "орокко" или "ораката". В японско-айнском словаре, известном под названием "Мосигоуса" (составлен в 1792 г.) есть айнское выражение "орокко утару", переведенное как, "люди, живущие в местности Ориката". В японском языке (начиная с ранних источников Мамия Риндзо) ороки называются или "орокко", или ... "додзин" (туземец), в то время как айны именовались "кюдодзин" (древние жители). Нивхи Нижнего Амура называли ороков "тазунг" или "тозунг", сахалинские нивхи — "ороко", амурские ольчи — "улка" или "улька". Русские пользуются словом "орочон"»²³.

Обратимся к изучению уйльта российскими исследователями. Н.К. Бошняк описывает их в 1852 г как орочон, или орочей – жителей самой большой реки Сахалина Тымь, которые «говорят тунгусским языком с примесью гиляцких слов. Между ними существует предание, что они тунгусы, перекочевавшие на Сахалин из Удского края; поэтому они считают себя подданными России»²⁴. В 1858 г. он же сообщал о них под названием тазонов или орогор²⁵. М.С. Мицуль в очерке, изданном в 1873 г. говорит об орочонах как о племени, известном также под названием "орокко, орокес, ольча"²⁶. Д.И. Орлов сообщает о народе, обитающем в средней и южной частях Сахалина, состоящем «из двух племен: - куги и ороксей»²⁷. Вероятно, под куги подразумеваются айны, а ороксей – это уйльта.

Другой исследователь Сахалина Л.И. Шренк в своей работе, написанной после путешествий на Сахалин в 1855 г. и в 1856 г. (т. 1. 1883 г.; т. 2 (в двух половинах). 1899 г. и 1903 г.), называет их кочующим племенем ороков по р. Тымь. В 1896 г. Н.П. Попов рассказывал об "ороченах, живущих по Пороною"²⁸. Б. Пилсудский, проведенный много лет на Сахалине, именует их ороками. Доктор П.Лаббэ в 1903 г. также говорил о крещеных ороках"²⁹. В 1905 г. П.Ю. Шмидт писал, что до прихода русских на Сахалин с незапамятных времен здесь жило родственное тунгусам племя орочон, в некоторых местностях они называются орочами, ороками или ольчами³⁰. В 1906 г. С. Патканов писал, что русское население называет их орочонами или ороченами. У гиляков они известны под именем оронгада (на Амуре), оронгта (на западном берегу Сахалина) и ороко (в допине р.Тыми), у айнов - под названием орохко. От последних двух имен и происходит их русское наименование: ороки. Под сходным именем они известны и в маньчжурских летописях — орунчуи. Все эти наименования происходят от одного и того же корня: «оро, орон» (по тунгусски: «домашний олень»), так как главным занятием ороков считается оленеводство. В виду того, что это занятие практикуется и другими тунгусскими

племенами, имя «орунчун» и русское «орочонъ» применяется, как указано выше, по отношению не к одним орокам³¹ В 1907 российский геолог Э.Э. Аннерт называл их орочонами³². Советские исследователи М.Г. Левин, Ю.А. Сем, Т.И. Петрова, А.В. Смоляк, В.В. Вязовская, Л. Алпатов, Т.В. Пенская и другие называют уйльта ороками. Т.И. Петрова и Л. Алпатов используют также этноним «уйльта». Таким образом, в литературе используются более 20 этнонимов, обозначающих уйльта³³: *орныр, тазунг, тозунг, уилта, ульта, уйльта, орок, орокко, ораката, ороцко, орохко, оронгодохун, ульчар, додзин, улка, улька, орочоны, ольчи. орохко, орокес, ольча, ороксы...*

В 1986 г. областными организациями была предпринята попытка обмена паспортов с указанием в новых паспортах национальности "орок" вместо орочен. Так как на южном Сахалине достаточно многие уйльта знакомы с японским языком, некоторые говорят по-японски, среди местного населения известно, что «орока» на японском языке обозначает «глупый». Эта акция встретила сильное сопротивление со стороны коренного населения и областные власти были вынуждены отменить свое решение (успели обменять паспорта лишь одной-двум семьям). Записать орочёнов ороками попытались и при проведении переписи 1989 г. Согласно инструкциям, человек, назвавший себя как орочен или ороч, мог быть записан и ороком и орочем. К орокам по инструкции относятся: "уйльта, ульча (с родным языком орокским), орочен (с родным языком орокским), ороч (с родным языком орокским)"; а к "орочам" - "ороч (с родным языком орочским), орочен (с родным языком орочским), орочисэл" Таким образом, инструкции не только не помогали переписчикам правильно выявлять национальность, но и просто невероятно запутывали, *"толкали" на подмену одной национальности другой*. Кроме того, совпадение обозначений женщин этих национальностей - орочка, а также абсолютная этнологическая безграмотность организаторов переписи и переписчиков привели к тому, что на Сахалине кроме 129 ороков были зарегистрированы 212 орочей, причем 136 из них в пос. Вал (до данным Валовского сельсовета), где нет ни одного ороча, а в паспортах коренного населения на момент проведения переписи записана национальность орочен, ороченка

Исследователи народов советской эпохи России различают ульчский, орочский и орокский и другие языки тунгусо-маньчжурских языков народов Севера России. Орокский язык рассматривается языковедами разных лет как отдельно бытующий, отличный от других, хотя и относящихся к одной группе в прошлом бесписьменных тунгусо-маньчжурских языков.³⁴ Это подтверждает неправомерность составления упомянутых инструкций для работников советских переписей, по которым с орокским и орочским языками человека записывали как представителя национальности «ороч». По материалам переписи населения 1989 г., К. М. Мусаев отмечает, что среди «ороков» (их

значится около 200 чел., тогда как «орочей» - порядка 900 чел.) считают родным язык своей национальности 44,7 %, свободно владеют русским языком – 40 % от общего числа представителей данного народа, владеют другими языками - 3,1 %.³⁵

. Попытки неоднократно навязать народу чуждое ему название привела к проявлению "дремавшего" до поры самосознания, к стремлению вернуть *исконное этническое самоназвание* - *ульта*. В результате в 1990 г. были приняты Обращения в Верховный Совет СССР с требованием вернуть им их самоназвание – *ульта*.[‡]

В официальных документах 2001 г. уйльта фиксируются как ороки (ульта), а в паспортах, выданных в советский период зафиксирована в большинстве случаев национальность орочен(ка), орочон(ка), редко - ороча, ороч, в единичных случаях – орок. Указание в официальных документах национальности "орочен, ороченка" наложило определенный отпечаток на восприятие современным поколением своей этнической принадлежности. На Северном Сахалине национальность орочен и орочёнка была впервые записана в паспорта в 1932 г., на Южном Сахалине - после 1945 г. Люди старшего поколения однозначно считают себя *ульта*. Опрос (Л.М.), проведенный в 1990-1991 года и в 2001 году показал, что ни один орочен на Сахалине не считает себя ороком, а тем более орочем. Итак, начиная с переписи 1897 г. в связи с вечной путаницей этнонимов идет постоянная неразбериха с численностью народа из-за потери исконного названия. В первой переписи населения России III тысячелетия данный народ будет отражен впервые как *ульта*. *Dies diem docet!*[§] Хотелось бы надеяться, что исконное имя поможет избежать недоразумений, которые были во времена прошлых переписей, и народ уйльта перестанет исчезать из нашей «документальной жизни»!^{**}

Обратимся к данным экспедиции 2001 г. (Л.М.). В настоящее время в официальных документах уйльта фиксируются как «ороки (ульта)» или как «ульта (ороки)», а в паспортах, выданных в советский период зафиксирована национальность орочен(ка), орочон(ка), ороча, ороч, в единичном случае - орок. В документах местного использования администрация в Ногликах использует название «орочены» и «уйльта», а в Поронайске – «уйльта». По данным Администрации муниципального образования «Ногликский район» Сахалинской области на 1 июля 2001 г. численность «малочисленных народов Севера» - 1107 чел. при общей численности населения муниципального образования на начало 2001 г. 14 700 чел. (показатель естественного прироста населения Ногликского района отрицательный –24 чел.). Среди живущих на

[‡] В тот период времени представители народа использовали наименование без «й».

[§] День учит день (лат. яз.).

^{**} Данная статья была написана, когда еще не было результатов последней переписи.

территории района народов Севера отмечены *нивхи* – 848 чел., *ороки/ульта* – 169 чел., *эвенки* – 85 чел., *нанайцы* - 4 чел., *другие* – 1 чел. «Трудоспособного населения (с 16 лет и старше)» среди малочисленных народов Севера - 575 чел., в т.ч. 424 нивха, 92 *орока* (ульта), 55 эвенка, 3 нанайца, 1 чел. относится к категории «другие». Среди *ороков* (ульта) отмечено, что лишь 15 чел. «заняты в экономике района» и из них 3 чел. работают в «традиционных отраслях хозяйствования», а 77 чел. - «незанятые в экономике района», что фактически означает *безработные*. Среди 76 пенсионеров малочисленных народов Севера 66 нивхов, 7 ороков (ульта), 2 эвенка и 1 др.

Сравним с более ранними данными. По сведениям Федерального государственного статистического наблюдения в Своде по Ногликскому району на 1 января 2000 г. численность малочисленных народов Севера всего – 214 чел. из них 69 эвенков, 5 нанайцев, 6 нивхов, 114 улта/ороков. Свод на 1 января 1999 г. фиксирует численность малочисленных народов Севера всего 218 чел. Среди них 69 эвенков, 5 нанайцев, 1 негидалец, 24 нивха, 119 орочей (!?) Как видно по этим данным, *ороки*(т.е. улта) отсутствуют в перечне народов - очевидно, идет подмена названия *ороки* на *орочи*.

Если рассматривать данные Администрации с. Вал на 10 января 2001 г., они фиксируют 203 чел, из них 62 эвенка, 5 нанайцев», 26 нивхов и 110 улта/ороков, а на 1 января 2001 г. всего – 203 чел., из них 62 эвенка, 5 нанайцев, 26 нивхов, 110 улта/ороков. Для сравнения с ситуацией советского времени можно обратиться к данным Ногликского райгосархива СССР. «Материалы по народностям Севера Ногликского района в 1966-1967 гг»³⁶ фиксируют, что. на Валу живет 222 семьи, в т.ч. народностей Севера – 48, в них 857 чел., в т.ч. народностей Севера – 210. Среди них «ороки» составляют 98 чел., нивхи – 3 чел., эвенки – 69, негидальцы – 9 и др.- 1 чел.

По данным администрации муниципального образования «Поронайский район» Сахалинской области на 1 июля 2001 г. на территории Поронайского района в семи населенных пунктах живет 463 представителя малочисленных народов Севера при общей численности населения района 35 300 человек. Народы Севера составляют 1,31% от общей численности района. Из них ороков (ульта) насчитывается 164 чел. Ульта (уже отмечалось, что именно так они стали значиться в документах местных органов власти в начале нового тысячелетия наравне с понятием «ороки», а в некоторых официальных документах начинается внедрение название народа с «й» - «уйльта») живут в основном в г. Поронайске – 155 чел., в пос. Вахрушев - 6 чел. и трое – в пос. Гастелло. Кроме улта в числе народов Севера в районе живут нивхи 152 чел. (в основном в Поронайске – 124 чел. и в пос. Вахрушев - 20 чел.), эвенки – 28 чел. (также в основном в Поронайске – 26

чел.), нанайцы - 111 чел. (тоже в основном в Поронайске – 103 чел.), другие представители северных народов - 8 чел. в Поронайске.

На 1 января 2001 г. численность «трудоспособного населения» среди народов Севера Поронайского района – 273 чел. (на 1 июля 2001 г. – 274 чел), из них 98 нивхов (на 01.07.01. – 91), 87 ороков/уйльта (на 01.07.01 – 99) , 18 эвенков (на 01.01.01 – 18), 64 нанайца (на 01.07.01 – 65) и 6 чел. относятся к «другим» народам Севера (на 01.07.01 – 8). Среди уйльта 33 чел. (на 01.07.01 – 76!) заняты в экономике района, в том числе 11 чел.(на 01.07.01 – 41!) – в «традиционных отраслях хозяйствования», а 54 (на 01.07.01 – 23!) фактически безработных. Значительное уменьшение количества безработных уйльта и соответственно увеличение их числа среди занятых в традиционных отраслях хозяйствования произошло, очевидно, за счет наступления периода путины – основного времени занятости представителей коренных малочисленных народов Севера в наше время. Так, среди их общего числа на 1 января 2001 г. 97 чел. были «заняты в экономике района», в т. ч. 27 чел. – в традиционных отраслях хозяйствования, а 176 – не заняты в «экономике района», т.е. практически безработных. В то время как на 1 июля того же года 209 (!) – «занятых», в т.ч. 112 - в традиционном хозяйстве, и 65 – практически безработных.

Обратимся к более ранним сведениям. На 1 января 2000 г. общая численность (среди них «трудоспособного населения») малочисленных народов Севера - 463 (245) чел., включая 163 (82) ороков/уйльта, 158 (87) нивхов, 24 (13) эвенков, 110 (37) нанайцев и 8 (6) представителей других народов Севера:- тазы – 4 чел., удэгейцы – 4 чел. Лишь 27 уйльта заняты в «экономике района», а 55 уйльта фактически безработные. 15 уйльта - пенсионного возраста. На 1 января 1999 г. общая численность народов Севера Поронайского района была 470 чел., из них уйльта - 171, нивхи - 161, эвенки – 24, нанайцы – 105, удэгейцы – 5, тазы – 4. Из общего числа уйльта 88 мужчин (до 16 лет – 30 чел.) и 83 женщины (до 16 лет – 32 чел.). В трудоспособном возрасте – 85 уйльта., из них лишь 14 чел. работающих и 71 – без работы.

По архивным сведениям, за период с января 1990 г. по сентябрь 2001 г. у северной и южной групп уйльта всего родилось 99 детей. У северной группы - 55, у южной – 44. Из них в 1990 г. – 17 (в Ногликском районе – 7, в Поронайском районе – 10), в 1991 г. – 9 (7 – в Ногликском и 2 - соответственно в Поронайском), в 1992 г. - 6 (1 и 5 соответственно...), в 1993 г. - 12 (8 и 4), в 1994 г. – 5 (1 и 4), в 1995 г. – 13 (9 и 4), в 1996 г. – 8 (6 и 2), в 1997 г. – 4 (0 и 4), в 1998 г. – 10 (7 и 3), в 1999 г. - 6 (4 и 2), в 2000 г. - 4 (2 и 2), за 8 с половиной месяцев 2001 г. – 5 (3 и 2).

Сопоставим численность северной и южной групп уйльта за последние годы. Общая

численность ороков (уйльта) по данным официальной статистики в Ногликском районе (т.е. северной группы) в 1999 г. была 119 чел., в 2000 г. – 114, в июле 2001 г. – 169. Общая численность ороков (уйльта) Поронайского района (т.е. южной группы) в 1999 г. – 177 чел., в 2000 – 163 чел., в июле 2001 г. – 164 чел.. При этом число уйльта, входящих в категорию «трудоспособных», то есть от 16 до 55 лет (пенсионный возраст в соответствии с законодательством Российской Федерации наступает в 55 лет) колеблется в указанные годы в Ногликском районе от 77 до 85 чел., в Поронайском – от 82 до 99 чел..

Как видно из приведенных выше данных, при меньшей общей численности населения уйльта и меньшего числа уйльта, находящегося в репродуктивном возрасте, в Ногликском районе родилось за исследуемый период большее число детей, чем в Поронайском районе. Вероятно, сказывается ситуация, характерная для общего процесса рождаемости: независимо от национальности в условиях города детей рождается меньше, чем в сельской местности. Рождаемость детей уйльта (на аналогичном фоне общей рождаемости на Сахалине) в постсоветский период уменьшилась, но трудно сделать однозначный вывод: есть ли это результат изменения политического строя государства или же это происходит в рамках всеобщего падения рождаемости за последнее десятилетие. Скорее всего играют роль оба фактора.

В Ногликском районе уровень рождаемости уйльта в 1990, 1991 (то есть в советский период) и в 1993, 1995, 1996, 1998 (то есть в постсоветское время) примерно одинаков. При этом он резко падает в 1992, 1994, 1997 годах и происходит явная тенденция снижения уровня рождаемости, начиная с 1999 г. по сегодняшнее время. В Поронайском районе за несколькими исключениями ситуация аналогична. Самый высокий уровень рождаемости уйльта за исследуемый период наблюдался в 1990 г., резкое падение уровня происходит в 1991 и 1996 годах. А в 1992, 1993, 1994, 1995, 1997, 1998 годах уровень рождаемости не высок, но стабилен. Также как и в Ногликском районе, начиная с 1999 года намечается тенденция стабильно низкой рождаемости.

Обратимся к национальной принадлежности родителей. Как правило, в большинстве случаев уйльта рождаются в парах, где мать – уйльта, или мать имеет этнические корни уйльта (говоря другими словами, один из ее предков был уйльта). Редки случаи смешанных пар, где отец – уйльта. Эта ситуация была характерна и 10, и 20 лет назад. Если ребенок рождается не в полной семье, а у матери–«одиночки», то совершенно естественно, кто бы ни был по национальности его отец, ребенок воспринимает культуру матери и той этнической среды, среди которой он вырос. Поэтому логично, что ребенок, родившийся от представителя не коренного народа в такой ситуации осознает себя представителем уйльта. Так было и в советский период, и сейчас. Но помимо этого

происходят и другие процессы. В полных семьях, при зарегистрированном браке, независимо от национальности приезжего отца (им может быть и русский, и украинец, и белорус) ребенок числился в документах местной администрации как орочен, а в дальнейшем записывал эту национальность и в паспорт. Происходило (и происходит по сей день) это потому, что существуют определенные государственные и местные льготы, касающиеся лицензий на вылов рыбы, в том числе ценных лососевых пород рыб; организации родовых национальных хозяйств, охоты, занятиях оленеводством и другими формами традиционного для народа Крайнего Севера хозяйства. Кроме того, для малочисленных народов Севера существуют льготы при поступлении в различные учебные заведения (хотя надо отметить, что в советский период льгот, связанных с получением образования, было больше). Стоит обратить внимание, что льготами по приобретению образования уйльта пользуются в настоящее время лишь в отдельных случаях, в то время как жизненно необходимые - по рыболовству и охоте - используются всеми. В семьях, где один из родителей имеет этническую принадлежность уйльта, а другой – эвенка или нивха, ребенок чаще всего выбирает себе национальность эвенка, нивха, а не уйльта. Происходит это потому, что уйльта на Сахалине - самый малочисленный народ, о котором не знают зачастую даже давно живущие там приезжие. В Ногликском районе распространено среди некоренного населения Сахалина название «гиляки», применяемое ко всем народам Севера, а не только к нивхам, как это было ранее. А в Поронайском районе часто употребляется в речи (даже чиновников, не просто в бытовых отношениях людей) понятие «народ севера» как заменитель национальности.

Все вышесказанное о детях Ногликского района можно сказать и о детях Поронайского района. Кроме того, в Поронайском районе живет большее число нанайцев, отношения с которыми складываются у уйльта по-разному. Так, в смешанных семьях ребенок часто выбирает себе нанайскую национальность как более престижную, чтобы относиться к более «развитому» (точнее – более известному для «материковцев») народу. Однако на различных собраниях представителей коренных малочисленных народов Севера уйльта, нивхи и эвенки обычно держатся единой группой, а нанайцы до недавнего времени образовывали отдельную группу.^{††} Уйльта, нивхи и эвенки зачастую не воспринимают нанайцев коренными жителями Сахалина, так как большинство нанайцев приехали на остров Сахалин вместе с русскими и представителями иных народов материка в не столь давние времена, чтобы считаться коренными жителями. Это мнение поддерживают и многие русские, у которых не одно поколение живет на Сахалине, но их

^{††} Ситуация взаимоотношений между представителями этих малочисленных народов на Сахалине в последние годы меняется и принимает различные формы - от абсолютно негативных до очень дружеских.

никто не считает коренными, а вопрос о предоставлении каких-либо льгот даже не ставится.

Необходимо остановиться на этнически смешанных семьях уйльта с корейцами. Чаще всего в таких семьях именно отец - кореец, браки в таких случаях почти всегда официально регистрируются. Фамилии и имена в семье дети получают, как правило, корейские. Воспитываются в традициях корейской культуры, часто знают корейский язык. Однако, имея корейское самосознание, они записывают в официальные документы национальность уйльта, для того, чтобы иметь льготы малочисленного народа Севера. Если такой человек выезжает на временное или постоянное место жительства на материк, он начинает называть себя корейцем. Это не было характерно для советского времени. До 1990-х годов наблюдался процесс естественной ассимиляции уйльта в корейско-уйльтских семьях. То есть идентификация уйльта напрямую зависит от этнической среды и аспектов социальной политики государства.

Среди российских исследователей есть мнение, что якобы этот народ всегда всеми назывался ороками и поэтому менять его название в научной литературе и сегодня не следует. Изучение различных документов конца XIX - начала XX вв. показывает, что, к примеру, в официальной переписке представителей православной церкви с чиновниками (Главного управления восточной Сибири) по вопросу «О миссионерской работе среди иноверцев на острове Сахалин» в 1871 г. представителей данного народа называли «ороченами»,³⁷ в метрических книгах употреблялись такие наименования³⁸: в 1880 г. Удская и Анивская церковь, в 1880, 1882, 1888, 1903 гг. Дуйская церковь, в 1893, 1895 гг. Дербинская церковь, в 1899 Тымовская церковь., в 1900, 1907, 1910, 1911, 1914 гг. Онорская церковь, в 1900 и 1901, 1902, 1905 гг. Корсаковская церковь, в 1908 г. Александровская и Рыковская церковь, в 1913 г. Рыбинская церковь фиксирует тунгусов, а в 1910, 1911 гг. Александровская церковь записывает «тунгузов», в 1879, 1880, 1881, 1882, 1890 гг. Дуйская церковь, в 1893, 1897, 1909 гг. Дербинская церковь, в 1888, 1890, 1894, 1898 и 1899 гг. Тымовская церковь, в 1900, 1901 гг. Корсаковская церковь, в 1901, 1903, 1904, 1905, 1908, 1913 гг. Рыковская церковь, в 1900 г. Анивская церковь, в 1908, 1916 гг. Александровская церковь, в 1913 г. Рыбинская церковь, в 1901, 1911, 1914, 1916 гг. Онорская церковь фиксирует «ороченов» (орочен и ороченка), в 1887-1888 гг. Тымовская церковь фиксирует «орачонов» и «орачонок», в 1890 г. Тымовская церковь записывает «ораченов» и «ораченок», в 1885 г. Александровская церковь, в 1900 г. Анивская церковь записывает «орочон» и «орочонок», в 1910 г. Онорская церковь представителей этого же этноса записывает как «раченка», а в 1907 г. Дербинская церковь - как «арачен». Под наименованием «тунгусы» числятся иногда уйльта, иногда

представители иных тунгусских народов, например, эвенки.

Как видно из приведенного материала, одного общепринятого наименования не бытовало. Естественно предположить, что разные представители церкви по разному фиксировали наименования этнической принадлежности, не специально выбирая то или иное название, а, к примеру, так, как им слышалось произнесенное инородцами слово. Очевидно, лишь одно – никто из инородцев не называл себя служителю церкви как «орок». Встает вопрос: почему же С. Патканов в 1912 г. отстаивает наименование «ороки» (об этом подробнее см. выше)? Вероятнее всего, это можно объяснить не определенным желанием называть народ именно ороками, а стремлением отделить данный народ вообще от всех иных орочонов (иными словами, от других тунгусоязычных этнических общностей). Б. Пилсудский в своих работах представителей этого народа также называет ороками. Но можно ли утверждать, что Пилсудский услышал это название от самого изучаемого народа? Такой информации в работах исследователя не значится. Скорее всего, ученый не фиксировал внимание на этом вопросе; начиная изучать народ, он знал название «ороки». Интересно, что, публикуя материалы Пилсудского в 80-е годы XX в. А. Маевич в названии работы употребляет наравне с термином «oroks» и термин «ulita».³⁹ Получается, что на взгляд ученых, публикующих в настоящее время труды Пилсудского, нет противоречия, с точки зрения Пилсудского, называть этот народ этнонимом уйльта. В архивных документах, написанных в 1970-х годах во время подведения итогов культурно-экономического развития «малых народностей Севера за 50 лет» Советской власти, говорится, что в 1925 г. «в стойбища нивхов, орочонов, эвенков ...пришли русские коммунисты... Вместо дымных, темных юрт эвенков, орочонов вырос поселок оленеводов – Вал».⁴⁰ Как видно, в советский период истории в официальных бумагах использовалось наименование «орочоны» (как и в паспортах), а не как ни «ороки», как это пытались зафиксировать в переписях населения. Несуразное, но очевидное полное противоречие документальной жизни народа.

Как показывают экспедиционные наблюдения различных лет, изучаемый народ очень деликатен к тому, кто приезжает из иного общества: если спрашивали у человека – «Вы орочен?», он соглашался с этим, если спрашивали – «Вы орок?», он и этого не отрицал, лишь бы его не спутали с другим народом, например, с ороками (Хабаровского края). Но если спросить представителя этого народа, даже молодого, в начале 1990-х гг. - «Как называется Ваш народ?» - ответ давался развернутый – «В паспорте у нас записана национальность «орочены», вечно нас пытаются назвать какими-то ороками, а ведь бабки наши всегда говорили детям, что мы уйльта!». Во время кропотливого многолетнего изучения народа японским ученым (языковедом) проф. Дз. Икэгами⁴¹ стало очевидным их

название – уильта/уйльта (эти разночтения объясняются трудностью передачи русскими буквами звуков данного языка). Профессор разговаривает с носителями языка на их языке и получает соответствующий ответ о названии народа.

Несколько столетий народ терпел (внешне - относился безразлично), как представители иных окружающих народов и научных кругов дают им бесконечный ряд названий. Exitus acta probat.^{††} В конце концов наступил момент протеста. Попытка замены национальности «орочен» на «орок», видимо, была вызвана необходимостью исправить абсурдность ситуации, когда государство выдает представителям этнической общности паспорта с одной национальностью, а во всех государственных документах фиксирует их же совершенно другим наименованием. Но в итоге эта акция и результаты Переписи 1989 г. впервые привели к тому, что народ потребовал называть их таким именем, которое хранилось на протяжении всех прошедших эпох в народной памяти. Ведь к этому моменту единого самосознания народа как «уйльта» уже не было, но историческая память сохранила это самоназвание в семьях. И в такой обстановке народу ничего не оставалось более разумного, чем добиваться официального признания именно такого названия. Неизвестно, была бы такая необходимость и такое желание поменять свое официальное этническое наименование, если бы не было попытки назвать их официально ороками. Ведь наименование «орочены» воспринималось многими поколениями уйльта совершенно естественно! Но факт свершился! И в начале XXI в. можно говорить уже о возвращении самоидентификации народа как «уйльта». Такое самосознание утверждается не только у представителей пожилого поколения, но и большого числа молодежи.

¹ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849-1855. Хабаровск, 1969. С. 262,266-267, 286, 287, 289.

² Алексеев А.И. По таежным тропам Сахалина. М., 1959. С. 18.

³ Невельской Г.И. Указ. раб. С. 262

⁴ Там же. С. 286, 287.

⁵ Невельской Г.И. Указ. соч. С.215.

⁶ Мицуль М.С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873. С. 135.

⁷ Лаббэ П. Остров Сахалин. Путевые впечатления. М., 1903. С. 15.

⁸ Пилсудский Бронислав. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г.. Южно-Сахалинск, 1989. С. 27.

⁹ Сведения об ороках, гиляках и других аборигенах острова Сахалина. [1916 год] / ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 42. Л. 1. Ксерокопия/ ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 516.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. М., 1929; Кузнецов А.И. Ульта (ороки)//Сибирь: этносы и культуры. (Народы Сибири в XIX в.). Вып.4. М.-Улан-Удэ, 1999. С.39-41.

¹¹ Смоляк А.В. Южные ороки (Этнографические заметки)// Сов. Этнография. 1965. № 5. С.29.

¹² Малые народности Севера, Сибири и Дальнего Востока (Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. ЦСУ РСФСР. Южно-Сахалинск, 1979 г. 5 сентября.

¹³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Сахалинской области. Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР. М., 1989 Таблицы 9С и 10С; Словари национальностей и языков для кодирования ответов на 8 и 9 вопросы переписных листов (о национальности, родном языке и другом языке народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1988.

^{††} Исход – суд деяний (лат. яз.)

- ¹⁴ Подробнее см.: Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Ороки Сахалина: проблемы современного развития//Исследования по прикладной и неотложной этнологии/Серия «Межнациональные отношения в СССР». Документ № 23. М., 1991.
- ¹⁵ Экономическое и социальное развитие районов проживания коренных малочисленных народов Севера (1995-2000гг.)/ Госкомстат Российской Федерации. Сахалинский областной комитет государственной статистики. Южно-Сахалинск, 2001. С.13, 14, 15, 21.
- ¹⁶ Патканов С. Указ.соч. Ч.II. СПб., 1906. С.132-140.
- ¹⁷ Сахалинский календарь. 1898. Отдел I. С. 81 / Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). Ф. 1038. Оп. 1. Д. 107. Л. 45.
- ¹⁸ Там же. Л. 46; Сахалинский календарь. 1899. Отдел I. С. 88 / ГАСО. Там же. Д. 108. Л.92.
- ¹⁹ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) Т.III. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин/ Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т.XI. Вып.3. СПб., 1912. С. 1000.
- ²⁰ Патканов С. Указ. соч.Ч.I. Вып.1.С.2-3.
- ²¹ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1994. Ст. 1791.
- ²² Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С.8-9.
- ²³ Маевич А. Ороки в прошлом и настоящем//Краеведческий бюллетень.1994. №2. С.12-13.
- ²⁴ Невельской Г.И. Указ. соч. С.161-162
- ²⁵ Бошняк Н.К. Экспедиция в Приамурском крае (Экспедиция на Сахалин с 20 февраля по 3 апреля 1852 года)// Морской сборник. Т. XXXVIII. СПб., 1858. № 12. С.189.
- ²⁶ Мицур М.С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873. С.135.
- ²⁷ Невельской Г.И. Указ. соч. С.266-267.
- ²⁸ Попов Н.П. Река Поронай и ее инородческое население // Сахалинский календарь на 1896 г. и материалы к изучению острова Сахалин. Александровский-на-Сахалине пост, 1895, отд.2. С. 244
- ²⁹ Лаббэ П. Остров Сахалин. Путевые впечатления. М., 1903. С.15.
- ³⁰ Шмидт П.Ю. Остров изгнания (Сахалин). СПб., 1905. С.76.
- ³¹ Патканов С. Указ. соч.. Ч.II. СПб., 1906. С.132-140.
- ³² Аннерт Э Э. Путешествие на восточное побережье Русского Сахалина в 1907 г. СПб., 1908. С.7.
- ³³ Миссонова Л.И. Этнонимия ульта Сахалина//Имя и этнос. М., 1996. С.51-56.
- ³⁴ О генетически родственных группах народов Севера см. монографию московского лингвиста: Мусаев К.М. Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). Алматы, 1993. С. 120-131, 234-235.
- ³⁵ Там же. С.235.
- ³⁶ Материалы по народностям Севера Ногликского района в 1966-1967 гг. / Ногликский райгосархив СССР. Ф.1. Оп. 1. Ед.хр.1. Л.5-9.
- ³⁷ ГАСО. Ф.1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
- ³⁸ Там же. Ф. 23-и. Оп. 2. Д. 1-216.
- ³⁹ Pilsudski Bronislaw. Materials for the study of the orok (ulita) language and folklore. I. Transcribed from the manuscript and edited by Alfred F. Majewicz. № 16 working paper. Poznan, 1985. II. Poznan, 1987 (см. вводную статью В.М. Латышева к работе Б. Пилсудского Из поездок орокам...С.10).
- ⁴⁰ Ногликский районный государственный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л.172.
- ⁴¹ Икэгами Дз. История исследования языка уилта// Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Т.2. Южно-Сахалинск, 1992. С. 5-10; Ikegami J. A dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin/ Sapporo, 1997.